З.Ж. КУДАЕВА, О.М. МЯКИНИНА
(Нальчик)

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК ЭЛЕМЕНТ АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучен иносказательный диалог – хъуэрыбзэ (каб.) – одна из этнически обусловленных моделей адыгской традиционной речевой культуры. У реплик-хъуэр выявлены признаки самостоятельно функционирующего фольклорного текста и основная его направленность – коммуникация, обладающая игровой комической экспрессией и актуализирующая речевые приемы перекодировки сообщения, перевода его в иносказательную плоскость.

Ключевые слова: *паремия, традиция, культура, коммуникативный элемент, фольклор, диалог, игра.*

Адыгские паремии (пословицы, поговорки, загадки и т. д.), помимо синтезированных в лапидарной форме результатов практических наблюдений, обобщения жизненных ситуаций, охватывающих различные аспекты бытия, служат также отработке коммуникативных стандартов образной речи, созданию необходимого и традиционного образного речевого канона. О подобной функции японских пословиц, отражающих правила ведения речи, писал С.В. Неверов: «Обучение речевым действиям в быту практически производится по пословицам и поговоркам, которые представляют собою по сути дела краткие сентенциозные правила для пользования языком» [5, с. 248].

Паремии в адыгском фольклоре объединяются в рамках определенной, условно выделенной из общефольклорной жанровой системы и включают в себя наряду с пословицами, поговорками, загадками, приметами, скороговорками, заклинаниями и т. д. жанр *хъуэрыбзэ* (каб.) – полемический иносказательный диалог на так называемом *шIагъыбзэ* (букв. «подъязык»). *ЩIагъыбзэ* был одним из тайных языков, существование которых отмечали этнографы и путешественники, посетившие Кавказ в XIV–XIX вв.: Г.Ю. Клапрот, Д.Ф. де Монпере, Я. Рейнеггс, И. Шильтбергер, Л.Я. Люлье [1], а также современные исследователи Б.Х. Бгажноков [2], Х. Думанов [3], М.И. Мижаев [6] и др. *ЩIагъыбзэ* – метафорический тайный язык, который употреблялся в различных ситуациях общения, когда было необходимо скрыть смысл высказываемого от непосвященных. Например, в одном из сюжетов нартского эпоса о *Малечипх* есть эпизод, когда Малечипх посылают к соседям за солью. Войдя в дом, Малечипх видит находящихся там гостей и скрывает свою неуместную в данной ситуации просьбу за иносказанием: «Нанэ “пшэрым и уэд, уэдым и дагьэ” – жиIэри, сыкъигъэкIуащ». – «Нана “то, что жирное делает постным, а постное жирным” сказала и прислала меня». Или: девушка хочет выйти замуж, но мать не соглашается, потому что имя ее будущего деверя Дзыгъуэ ‘Мышь’, и она боится, что дочь может ошибиться и произнести его вслух (один из элементов обычая избегания: запрет называть по именам мужа и его родственников). Дочь, стремясь доказать матери, что сможет этого избежать, показывает пальцем на мышь, выскочившую из-под пола, говорит: «Модэ еплъ, нанэ, мо лъэщIэс бзу цIыкIум». – «Мама, вон посмотри на эту птичку, живущую под полом». *ЩIагъыбзэ* как иносказательный метафорический язык мог использоваться и в ситуации *псэлъыхъу* – ухаживания за девушкой, признания в любви, сватовства. Граница между *щIагъыбзэ* – иносказательным метафорическим языком и *хъуэрыбзэ* – полемическим иносказательным диалогом порой едва уловима. Разграничение этих форм иносказательной речи лежит в функциональном плане. *ЩIагъыбзэ* не был ограничен рамками игрового контекста и употреблялся в самом широком спектре ситуаций общения.

Хъуэрыбзэ – это законченные языковые клише иносказательного характера, функционирующие в форме полемического диалога. По типу композиционной структуры *хорыбза,* как и загадка, относится к диалогическим фольклорным жанровым формам. Однако функция диалога в загадке отлична от типологически соотносимого с ним диалога *хъуэрыбзэ.* В загадке процесс сообщения состоит в том, что информант произносит некий иносказательный, «закодированный» текст, реципиент же называет его отгадку. Основная функция игры в загадки – это отработка и проверка коммуникативных стандартов образной речи. Тексты загадок – это речевые схемы, демонстрирующие каноны перевода сообщения в иносказательную плоскость. «Человек, изучающий загадки, – отмечает Э. Кенгес-Маранда, – не за-

© Кудаева З.Ж., Мякинина О.М., 2016

поминает загадки как таковые, он учится строить правильные загадки, используя лингвистические (в особенности семантические) классификации, подыскивает общие черты в предположительно разных классах и изучает все точки соприкосновения, какие можно найти. ... На определенном уровне загадку можно рассматривать как своего рода метаязык, поскольку она определенно является средством анализа самых существенных черт того или иного языка» [4, с. 55]. В *хъуэрыбзэ* этот процесс разворачивается дальше: реципиент, поняв смысл иносказания, «раскодировав» его, возвращает новый «кодированный» в соответствии с правилами иносказательный текст. Например: «*ЩIалэм:* Си Iэгу из мэракIуэ / СырикIуэну зы лъагъуэ, / Сигу илъыну зы псалъэ, / Лъэпкъ сыхъунущ, къыздэкIуэ. – Парень: Моя ладонь, полная ягод земляники,/ Чтобы я мог пройти – одну тропку, / Чтобы в моем сердце осталось – одно слово,/ Родом стану,/ Выйди за меня. *Хъыджэбзым:* Махуэм зиужьу /Акъужьым зиудэу, / ПшIэгъуалэр дэжейуэ, /ПцIэгъуэплъыр къежэхыу,/Джэдыр къелъыхыу, /Къазыр дэлъейуэ / Апхуэдэ махуэм / СынымбдэкIуэнщ. – *Девушка:* Когда день начинается, /Северный ветер свирепствует/ Серый конь бежит вверх, / Гнедой конь вниз бежит / Куры спрыгивают,/Гуси подскакивают, / В такой день/ Выйду я за тебя. *ЩIалэм:* Сабэм сыхэту мэкъу сеуэркъым, / Тхьэр зэуа жыгым пщIащэ къыпыкIэркъым. – *Парень:* Стоя в пыли, я сено не кошу,/ На дереве, в которое ударил Тха, листья не вырастают» (Тха – верховное божество адыгского мифологического пантеона).

Бивалентность *хъуэрыбзэ* как речевого явления и одновременно фольклорного текста позволяет рассматривать его как один из этнокоммуникативных элементов традиционной речевой культуры общения. Реплики-*хъуэр* представляют собой воплощенное в поэтической форме сообщение, которое не может быть изучено вне традиционного контекста своего существования, вне процесса функционирования. Процесс функционирования *хъуэрыбза* – коммуникативно-игровая ситуация, имитирующая сватовство или объяснение в любви. Это состязание между парнем и девушкой в виде обмена полемическими репликами (*хъуэр)* с целью признания в любви или иронического осмеяния соперника (или соперницы). Например, парень в иносказательной форме публично предлагает девушке ответить на его чувства: «*ЩIалэм:* Уафэм ущымытхьэрыкъуэ / ШIылъэм ущымыдзыгъуэ / Уэрэ сэрэ дызэхуэдэ цIыхум/ Зэ къызэIэзэ. – *Парень:* В небе не будь голубкой,/ На земле не будь мышью, / Если мы с тобой одинаковые люди / Один раз полечи меня. *Хъыджэбзым:* Истэмбыл къыпщIэкIэ мей жыгым къыпыкIа мэIэрысэ / ИлъэсиблкIэ бгъа жэмым къылъхуа щынэрэ / Пхуэшхыну игугъэмэ укъопцIэр. – *Девушка:* Из Стамбула пришедшего дикого яблоневого дерева яблоко,/ В течение семи лет бывшей стельной коровы теленка/ Если надеешься съесть – обманываешься».

Хъуэрыбзэ как этнокоммуникативная модель общения с помощью иносказательных реплик-клише *(хъуэр)* осуществлялась в двух типах ситуаций: 1) объяснение в любви; б) имитационное сватовство. Эти два типа ситуаций разграничиваются и по смыслу, и по функции. В первом случае это признание в любви, предложение руки и сердца, облеченные в иносказательную форму, в другом – это игра, пародирующая ситуацию объяснения в любви, в форме полемического диалога, имеющего целью выставить соперника (или соперницу) в комическом, порой даже унизительном свете. Например: «*ЩIалэм:* СыпхуэгумащIэщ / СыпхуэщIэлэфIщ, / СыпхуэфIэраф1эщи / ЗэфI дыгъэхъуж. *Хъыджэбзым:* Сыуикъауцкъым / СыуицыIэрылъхьэкъым, / Сэ сыуиIэрылъхьэ хъухъу / Урыху ирежэх. – *Парень:* Я нежен с тобой / Я хороший парень для тебя/ Ты нравишься мне / Будем же хорошими друг для друга. – *Девушка*: Я для тебя не пух,/Я для тебя не кудель / Пока я стану твоей – /Пусть Урух течет».

За исключением случаев, когда игровая ситуация задавалась изначально, возникновение ее могло быть обусловлено социально-психологически, как бы для «снижения», перевода в игровую, шутливую форму публичного признания в любви. Объяснение в любви и предложение выйти замуж, выраженные с помощью иносказаний (*щIагъыбзэкIэ* – иносказательным языком), сужали круг включенных в этот коммуникативный процесс. Однако присутствие зрителей, «посвященных» в тайны иносказательной речи, оказывавшихся свидетелями столь интимных по смыслу переговоров, делало единственным психологически мотивированным выходом из нее перевод всего иносказательного диалога в новую плоскость – игровую, пародийно-комическую. Объяснение в любви (первая ситуация) с помощью иносказательного метафорического языка трансформировалось в словесную дуэль (ситуация вторая), полемический диалог, осуществляемый с помощью иносказательных реплик-хъуэр и воплощающий одну из традиционных форм речевой игровой коммуникации (см. исследования Р.Б. Унароковой [7]).

В результате обмена репликами-хъуэр побежденным оказывался тот, кто знал наимень-

шее количество реплик-клише, не обладал навыками создания, импровизации новых текстов, знанием смысла образной символики, другими словами, не владел традиционными способами образной, иносказательной кодировки сообщения, приемами перевода сообщения в иносказательную плоскость. Хъуэрыбзэ – это этнокоммуникативная модель игрового общения, использующая стилевые приемы иносказательного языка (щIэгъыбзэ). Тексты реплик-хъуэр представляют собой несколько типов, отражающих структуру самой словесной игры.

1. Реплика-предложение; признание: «*ЩIалэм:* Iэгум ису зы ныбгъуэ / Гум илъу зыпсалъэ / СырикIуэну зы лъагъуэ, / СырикIуэжыну зы гъуэгу. – *Парень:* Одну перепелку в ладони,/ Одно слово из сердца, /Одну тропинку, чтобы пройти, /Одну дорогу, чтобы вернуться. Или предложение, посланное через посредника: Гъатхэ къэрабэхэр къызэдогъагъэ, / Куэншыбэ гъурхэр къызэдопсалъэ / Псалъэ жэуап жаIэри сыкъагъэкIуащ. – Весенние одуванчики цветут вместе, жесткие корсеты друг с другом говорят/ Ответное слово, говоря, меня прислали».

2. Реплика-характеристика как позитивного, так и негативного плана (как правило, гиперболизированное описание достоинств/недостатков): «*Хъыджэбзым:* Уджэдыгу пIыргыщ / УгъумпIпырэшхуэщ / МышхумпIэ лъыхъуэ мыщэжьу / Уи щхьэр щIозгъэнынщ – *Девушка:* Тулуп твой ссохшийся, /Кобура твоя большая,/ Медведем, ищущим желуди, / Я тебя уйти заставлю. *ЩIалэм:* Кхъужь дыдж IэфIыпсу / Нащэфэпс тIыгъууэ / Тхьэгъэгурымлъэбжьабгъуэу / Укъынэжынщ / Дакъэ хэкIым тес / Сэ укъыхэсхыху. – *Парень:* Как сок горькой груши,/ Как сок переспелой огуречной кожуры, / Как широкий корень лопуха, / Останешься в доме. / Сиди на пне, / Пока я тебя не выберу».

3. Реплика-испытание, ставящая невыполнимые условия, например: «Шым бадзэ тесу, / Бадзэм уанэ телъу, / Уанэм уэ утесу, / Псы есыпIэм укъыкIмэ / СыныбдэкIуэнщ. – Когда муха будет сидеть на лошади, /На мухе будет седло, /В седле будешь сидеть ты, / И брод перейдешь – / Тогда выйду за тебя».

4. Реплика-отказ, например: «*Хъыджэбзым:* Ди уни шэшIкъым/ Ди шэщи щхьэгуэкъым/ Сэр щхьэкIэ уи шылъэгу шIомыуд. – *Девушка:* Наш дом – не конюшня, /Наша конюшня – не с плоской крышей, /Из-за меня не отбивай подковы коня».

5. Реплика-согласие: «*Хъыджэбзым:* Уиалашэ уимыхьафэу / Iашэр хьафэу бгомылъэу, / Убгъашъуи пшъашъэ нэмысыгъэу / Уичэщыпси имыкIутмэ, / ШыкIэгъабэ пфэхъугъэмэ, /Тянэрэ тятэрэ къэгъэраз, / Сомэ фыжь шъишъыр гъэхьазыр, /Сыхьазырышъ сыщыс. – *Девушка:* Твой конь, если не напрокат взят, /Если оружие напрокат не носишь, /Твоя грудь, если девушки не коснулась, /Твоя ночная вода, если не вылита, /Нужды если много накопилось,/ Мою мать и моего отца удовлетвори, /Серебряных триста рублей приготовь,/ Готовая сижу».

Таким образом, основными дифференцирующими признаками хъуэрыбзэ являются: коммуникативно-игровой характер, функция проверки и демонстрации приемов иносказательной речи, создание игровой комической экспрессии. Относясь к паремиологическому уровню языка, реплики-клише (хъуэр), вместе с тем, обладают признаками самостоятельно функционирующего текста. Одновременно хъуэрыбзэ – это традиционная этнокоммуникативная модель речевого и игрового поведения. Процесс функционирования хорыбза – это коммуникативные акты, демонстрирующие речевую компетентность участников диалога. Основная направленность этого процесса состоит в актуализации речевых приемов перекодировки сообщения, перевода его в иносказательную плоскость.

Список литературы

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974.
2. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
3. Думанов Х.М. Некоторые обычаи и традиции, связанные с охотой у кабардинцев в XIV – начале XX века // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977.
4. Кенгес-Маранда Э. Логика загадок // Паремиологический сборник. М., 1978.
5. Неверов С.В. Основы культуры речи современной Японии: дис. … д-ра филол. наук. М., 1974.
6. Мижаев М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск, 1973.
7. Унарокова Р.Б. Формы общения адыгов. Майкоп, 1998.

* * *

1. Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik: Jel'brus, 1974.
2. Bgazhnokov B.H. Adygskij jetiket. Nal'chik, 1978.
3. Dumanov H.M. Nekotorye obychai i tradicii, svjazannye s ohotoj u kabardincev v XIV – nachale XX veka // Jetnografija narodov Kabardino-Balkarii. Nal'chik, 1977.

4. Kenges-Maranda Je. Logika zagadok // Paremiologicheskij sbornik. M., 1978.

5. Neverov S.V. Osnovy kul'tury rechi sovremennoj Japonii: dis. … d-ra filol. nauk. M., 1974.

6. Mizhaev M.I. Mifologicheskaja i obrjadovaja pojezija adygov. Cherkessk, 1973.

7. Unarokova R.B. Formy obshhenija adygov. Majkop, 1998.

Allegorical dialogue as the element of the Adygei traditional speech culture

An allegorical dialogue – хъуэрыбзэ – is one of the ethnic models of the Adygei traditional speech culture.Remarks – хъуэр – also have the signs of an independently functioning folklore text. The process of functioning of an allegoric polemic dialogue includes the playing communicative acts that demonstrate its participants' speech competence. It is aimed at communication with playing comic expression and actualizing the verbal methods of conversion, transferring it into allegory.

Key words: *communicative element, paremy, tradition, culture, folklore, dialogue, play.*

(Статья поступила в редакцию 01.02.2016)

Ж.В. ФОМИНА, Е.Г. БОРИСЕНКО, О.А. КРАВЧЕНКО
(Волгоград)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ДИФФУЗНОСТЬ ВОЗРАСТНЫХ КОНЦЕПТОВ «МОЛОДОСТЬ» И "YOUTH" В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ МОЛОДЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

Проводится сравнительный анализ возрастных концептов «молодость» и "youth" с точки зрения метафорической диффузности как неотъемлемой характеристики концепта. Данная характеристика рассматривается на материале текстов российских и американских молодёжных журналов и интернет-форумов.

Ключевые слова: *метафорическая диффузность, концептосфера «возраст», возрастной концепт, молодежная лингвокультура.*

В русской и американской молодёжных лингвокультурах выделяются следующие ключевые возрастные концепты, реализующие концептосферу «возраст»: «детство», «юность», «молодость», «зрелость» и «старость». В американской лингвокультуре к перечисленным концептам апеллируют соответствующие лексемы: *childhood*, *adolescence*, *youth*, *maturity* и *oldage*.

Необходимой характеристикой любого концепта является не только номинативная плотность [1, с. 131–134], но и метафорическая диффузность, поскольку в ней также воплощаются ценностные приоритеты лингвокультуры [2, с. 53–56]. В данной статье мы проанализируем посредством текстовой реализации метафорическую диффузность таких возрастных концептов, как «молодость» и "youth".

Источниками материалов послужили российские и американские молодёжные журналы и интернет-форумы. Всего было рассмотрено 1500 русских и 1500 американских текстов из различных источников [3, с. 135].

Из общего объёма российских молодёжных журналов в 139 текстах было выделено 230 текстовых фрагментов, реализующих концептосферу «возраст». Общее количество текстовых употреблений, содержащих апелляции к концептосфере «возраст» в виде лексических, фразеологических единиц и устойчивых выражений, составило 283 единицы. Из них только 5 единиц апеллируют непосредственно к концепту «молодость».

Из общего объёма американских источников в 132 текстах было выявлено 230 текстовых фрагментов, реализующих концептосферу «возраст». Общее количество текстовых употреблений, содержащих апелляции к концептосфере «возраст», составило 395, из которых всего 18 единиц апеллируют к концепту "youth".

Анализ показал, что существует множество способов апелляции к концептам, выраженных различными тропами и фигурами речи. Исследуя метафорическую диффузность возрастных концептов, мы выявили следующие стилистические приёмы: сравнение, катахреза, метафора, метонимический эпитет, олицетворение, оксюморон и др. [4, с. 146].

Сравним метафорическую диффузность возрастных концептов «молодость» и "youth", входящих в концептосферу «возраст» в обеих лингвокультурах. Метафорическая диффузность рассматриваемого концепта составляет всего 1,8% (5 текстовых употреблений) в русской молодёжной лингвокультуре и 4,6%

© Фомина Ж.В., Борисенко Е.Г., Кравченко О.А., 2016